

УДК 323.2

СТРУКТУРНОЕ И ПРЯМОЕ ВООРУЖЕННОЕ НАСИЛИЕ: МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ РОССИИ

Е.М. ПОЛЯКОВ*Воронежский государственный
университет**e-mail:
evgenij.polyakov.1984@mail.ru*

Анализируются разные виды насилия и их взаимосвязь с типом общественного устройства. Опираясь на антропологические данные, автор показывает, что назначение насилия в обществе определяется рядом факторов, основным из которых является контроль над доступом к важным ресурсам, а формы его проявления – социальной структурой общества.

Особое внимание уделено молодёжному фактору эскалации насилия в обществах, находящихся в состоянии “youth bulge”. Предпринята попытка проанализировать способы контроля над насилием и выявить его возможные источники. Отдельно рассмотрена проблема возникновения терроризма и основные причины эффективности разных видов насилия в современном мире.

Ключевые слова: социальный институт, структурное насилие, терроризм, общество.

В данной статье речь пойдет об институте насилия в различных его формах, а также конструирующей роли насилия в обществе, столь незаслуженно игнорируемой многими исследователями. Прежде, чем перейти к анализу феномена насилия, способов его манифестации и функционального назначения в обществах разных типов, определимся с основными категориями.

В социологии в явной или скрытой форме институт понимается как нечто, связанное с действием, деятельностью, поведением, ролью. Функциональное назначение институтов заключается в «использовании ресурсов общества в *формах интеракции* ради удовлетворения той или иной социальной потребности и *стабилизации деятельности* людей, путем сведения ее к более или менее предсказуемым образцам социальных ролей»¹. Это характерно для всех традиционных институтов: семьи, образования, церкви и т.д. Но в социальном устройстве общества есть еще один важный институт, который как раз обеспечивает разные формы интеракции и стабилизацию деятельности. Имя ему – насилие. Хотя мы привыкли связывать насилие с преступлениями, терактами и войнами, в структуре насилия мы можем выделить три уровня – это «символическое» насилие, воплощенное в языке и привычных речевых формах; «субъективное» насилие, воспринимаемое нами на основе личного опыта и особенностей мышления (попутно отметим, что вообще все институты не существуют сами по себе, но сами являются во многом следствием мышления человека, особых ментальных моделей); и «системное насилие», возникающее вследствие определенной организации самого социума².

Интересный взгляд на институционализацию насилия предлагает Дуглас Норт. По его мнению, «институты – это «правила игры», структура взаимодействия, которая управляет и ограничивает отношения индивидов»³. Институты включают в себя формальные правила, формальные социальные соглашения, неформальные нормы поведения, писанные законы, а также *убеждения о мире* и средства принуждения к исполнению этих правил и норм. Институты также структурируют способ формирования у индивидов убеждений и мнений о поведении других людей.

Управление насилием при помощи повторяющихся личных контактов может поддерживать формирование только небольших групп людей, возможно, состоящих из 25–50 индивидов. В более крупных группах ни один индивид не обладает личным знанием обо всех членах группы или общества, и потому сами по себе личные отношения не могут быть использованы для контроля над насилием. Во всяком случае, есть исследования, свидетельствующие в пользу этого предположения⁴. Для архаичного общества больший

¹ Смелзер Н. Социология. М., 1994. С.81.

² Жижек С. О насилии. М., 2010. С.5-12.

³ North D.C. Institutions, institutional change, and economic performance. New York, 1990. P.3-4.

⁴ Kelly R.L. The foraging spectrum: Diversity in hunter-gatherer lifeways. Washington, 1995. P.205-232.

размер был труднодостижим: личные контакты не могли быть скрепляющим обществом элементом и для преодоления ограничения необходим был особый институт. До сих пор у многих племен специальным образом регулируемое насилие позволяет расширять численность сообщества за счет приема в него новых членов извне и усиливать внутривидовые связи. Богатые антропологические данные позволяют предположить, что частота применения насилия (в том числе, в качестве наказания) в примитивных сообществах довольно высока. Было отмечено, что вооруженное насилие часто является неприемлемым и вместо него используется изоляция, как физическая, так и социальная⁵.

Кит Оттребейн в ходе своего кросс-культурного исследования показал, что физическое насилие в качестве высшей меры наказания применяется, если индивид обвиняется в тяжком преступлении: убийство, воровство, колдовство, изнасилование⁶. Важным является и то обстоятельство, что примитивные племена и вождества, прежде чем превратиться в государства, должны обзавестись идеологией. Она способствует социальной эволюции и развитию сложных социальных систем, которые невозможны без *контроля над доступом* к властным ресурсам⁷.

Конечно, в столь простых обществах властные ресурсы связаны не с персональными характеристиками индивида, а с его принадлежностью к той или иной группе. Соответственно, определяющую роль играют половозрастные характеристики, место жительства, род занятий и кровные связи. Постепенно, в истории человечества, эти черты замещались профессионализмом, лидерскими качествами, компетентностью и т.д.

Показательно, что эти данные укладываются в теорию Д. Норта и соавторов. Для рассуждений последних характерно использование концепта *доступа*, базируясь на котором они выделяют два типа обществ (или в авторской терминологии – *социальных порядков*): ограниченного и свободного доступа. Социальные порядки характеризуются тем, как общества создают институты, поддерживающие существование специфических форм человеческой организации, а также способом, которым общество ограничивает или открывает доступ к этим организациям при помощи стимулов, формируемых моделью организации. Эти характеристики социальных порядков также тесно связаны с тем, как общества ограничивают и контролируют насилие⁸.

Модель свободного доступа характеризуется политическим и экономическим развитием; экономикой, которая меньше страдает от отрицательного роста; сильным и динамичным гражданским обществом с большим числом организаций; более крупными и более децентрализованными правительствами; распространением безличных социальных взаимоотношений, включая верховенство права. Модель ограниченного доступа характеризуется медленно растущими экономиками, чувствительными к потрясениям; политическим устройством, которое не основывается на общем согласии граждан; относительно небольшим числом организаций; менее крупными и более централизованными правительствами; господством личных связей и незащищенными правами собственности⁹. Современные порядки открытого доступа часто ограничивают насилие при помощи институтов. Институты задают правила, которые напрямую сдерживают насилие, меняя издержки насильственного поведения, прежде всего путем установления наказаний за использование насилия. Люди более склонны подчиняться правилам, даже при значительных издержках для себя, если они считают, что другие люди будут так же соблюдать правила¹⁰.

К сожалению, рассмотренные выше работы экономистов, антропологов и социальных философов представляют собой скорее анализ того, *что такое* насилие, но не *откуда* оно берется. Нам представляется, что ответ на данный вопрос может дать т.н. теория «youth bulge» или «молодежного пузыря». Согласно ей, в сообществах, в структуре которых доля молодежи до 24 лет составляет не менее 20%, будут наблюдаться общая поли-

⁵ Betzig L, Den tan R.K., Knauff B.M., Otterbein K.F. On Reconsidering Violence in Simple Human Societies // Current Anthropology, 1988, Vol. 29, No. 4. P. 624-636.

⁶ См.: Otterbein K.F. The ultimate coercive sanction: A cross-cultural study of capital punishment. New Haven, 1986.

⁷ Albert B. Yanomami "Violence": Inclusive Fitness or Ethnographer's Representation? // Current Anthropology, 1989, Vol. 30, No. 5. P. 637-640.

⁸ В тени насилия: уроки для общества с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности: докл. к XIII А пр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва, 3–5 апр. 2012 г. / Д. Норт, Дж. Уоллис, С. Уэбб, Б. Вайнгаст. М., 2012. С. 8-17.

⁹ North D.C., Wallis J.J., Waingast B.R. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge, 2009. P. 11-15.

¹⁰ Levi M. Consent, dissent, and patriotism. New York, 1997. P.213.

тическая нестабильность, склонность политических режимов к авторитаризму и государственные перевороты, сопровождаемые всплеском нелегитимного насилия по отношению к наиболее социально незащищенным слоям населения¹¹.

«Пузырь» возникает не столько там, где много молодежи (как, например, в Китае) сколько там, где молодые люди вынуждены *конкурировать* между собой за получение доступа к престижным позициям и социальным статусам. Масштаб социальной системы также не имеет значения – “youth bulge” может происходить как на уровне общества в целом, так и, например, в диаспорах или общинах. При этом правда, необходимо учитывать тот факт, что в небольших сообществах люди будут чаще контактировать друг с другом непосредственно, что может иметь вполне определенный психологический эффект. Даниэль Харт и соавторы провели исследование в 28 странах мира, которое показало, что подростки и несовершеннолетние в таких сообществах будут больше контактировать со своими сверстниками и находиться под преимущественным социализирующим воздействием с их стороны, нежели со стороны взрослых¹².

Для обеспечения «мирного» участия молодежи в общественно-политической жизни стран-«пузырей» на африканском материале были выработаны несколько рекомендаций: установить контакт между молодежью и политическими лидерами общин, проводить совместные мероприятия с политическими и этническими конкурентами (в том числе, на племенном уровне), расширить участие женщин, запустить программы, обеспечивающие молодежное участие и т.п. Характерно, что некоторые страны Африки сохранили пережитки родоплеменной стадии развития общества, и эти выводы подкреплены богатым антропологическим материалом¹³.

Молодежные исследования, проведенные в последние годы, выявили определенную корреляцию между уровнем экономического развития и проявлением социальной напряженности в неприемлемых формах (в виде нелегитимного насилия). Эти данные перекликаются с теоретическими построениями Д. Норта о природе и назначении ренты в порядках ограниченного доступа. Систематическое создание ренты при помощи ограниченного доступа в естественном государстве — не просто средство набить карманы членов господствующей коалиции; это также важнейшее средство контроля насилия. Контроль над насилием зависит от структуры и поддержания взаимоотношений между влиятельными индивидами.

Но в случае, если насилие нельзя сдержать, договоренности внутри господствующей коалиции (властвующей элиты) о прекращении борьбы будут нарушены, что, в свою очередь, приведет к учащению применения насилия в обществе. Поэтому требования молодежи о доступе к организациям, которые в порядках ограниченного доступа нельзя выполнить, ведут к их насильственной смене. Увеличение численности молодежи здесь является спусковым крючком в механизме социальных преобразований. Шон Фокс и Кристиан Хельшер в своем недавнем исследовании 120 стран обнаружили, что в «гибридных» режимах (то есть сочетающих авторитарные и демократические черты) риск открытого проявления насилия наиболее велик. При наличии других факторов (бедность, этническая пестрота, социальное неравенство), насилие становится почти неизбежным¹⁴. В такой ситуации его манифестация — дело рук многочисленной молодежи. При этом насилие проявляется в самых деструктивных формах — уличных беспорядках, политически мотивированном терроре и гражданских войнах.

Важно учесть то, что избыток молодежи и осуществляемого ею насилия является важным конституирующим обществом фактором. Как показали работы Тимоти Эрла, демографическое давление в целом ряде обществ (античной Греции, средневековой Италии и во Французской Полинезии) было причиной социальных изменений и перехода от вождества к государству¹⁵.

¹¹ Fuller G. The Demographic Backdrop to Ethnic Conflict: A Geographic Overview // The Challenge of Ethnic Conflict to National and International Order in 1990's. Washington 1995. P.151-154.

¹² Hart D., Atkins R., Markey P., Youniss J. Youth Bulges in Communities: The Effects of Age Structure on Adolescent Civic Knowledge and Civic Participation // Psychological Science. 2004. Vol. 15. No.9. P.591-597.

¹³ Shari B. The Youth Bulge in Africa: Opportunities for Constructive Engagement in the Political Process. National Democratic Institute. 2010, October. P.1-6.

¹⁴ Fox S., Hoelscher K. Political Order, Development and Social Violence. A cross-country study. London, 2011. P.13.

¹⁵ Earle T. Chiefdoms in archaeological and ethno-historical perspective // Annual Reviews in Anthropology. 1987, Vol.16. P. 279-308.

Говоря о причинах насилия, Генрик Урдал (сотрудник Института изучения мира, Осло, Норвегия) подчеркивает, что при возникновении больших когорт молодежи происходит «растягивание» социальных институтов (например, рынка труда), что влечет за собой усиление социальной неудовлетворенности. Вот эта неудовлетворенность, в сочетании с социальной свободой (то есть отсутствием семей и от ответственности за кого-либо), и вызывает к жизни насилие в молодежной среде¹⁶.

В другой своей работе он описывает (в виде гипотез) условия, при которых возникает политически мотивированное насилие. Они включают в себя наличие «youth bulge», политическую зависимость, низкие темпы экономического роста, быстрое распространение высшего образования, авторитарный характер режима и уровень урбанизации. Чем выше каждый из этих показателей, тем больше будет насилия¹⁷. Отметим также, что каждое последующее условие усиливает предыдущее и на нем базируется, а ключевым здесь является наличие большого числа неустроенной молодежи.

Нетрудно заметить, что эти условия были характерны для стран, переживших «Арабскую весну». Эти же страны (как и Россия) придерживались политики догоняющей модернизации. Означает ли это, что догоняющая модернизация с неизбежностью влечет за собой выход насилия за институциональные рамки и порождает системный кризис?

Очевидно, что это не так. Махатхир Мохаммад, бывший премьер-министр Малайзии, в своих воспоминаниях пишет, что был вынужден применять авторитарную власть для проведения модернизации полуфеодальной (на тот момент) постколониальной страны¹⁸. Интересен тот факт, что случаи проявления насилия в обществе сократились, а безопасность на улицах Куала-Лумпура и других крупных городов быстро достигла европейского уровня.

Еще одно важное обстоятельство, с которым сталкиваются все страны, осуществляющие переход от закрытого к открытому обществу, – миграция. В первую очередь, это миграция трудовых ресурсов внутри страны из небольших населенных пунктов в города – центры индустриализации и модернизации. Города обезличивают контакты людей в силу массовости и деперсонификации самих контактов, то есть создают необходимое условие для перехода к порядкам свободного доступа. Но что еще важнее, они являются механизмом, адсорбирующим избыток сельского населения, особенно при высоком естественном приросте. Исследования Хэлен Вэр на материале ряда государств в Океании показали, что в странах с низким уровнем урбанизации и сильной эмиграцией нестабильность и насилие наблюдаются чаще, чем в странах с долей городского населения более 40% и сильной внутренней миграцией из сел в города¹⁹.

Павда, нельзя забывать, что хотя город предоставляет больше *возможностей* и обеспечивает более высокий уровень жизни, этот уровень не растет постепенно, а резко и однократно меняется при переезде. В сочетании с отсутствием *самореализации* (то есть перехода возможностей в реальность в виде качественного образования, карьеры и т.д.), города могут превращаться в своеобразные накопители социальной агрессии и выплескивать ее в самый непредсказуемый момент в виде неконтролируемого насилия.

Интересно отметить, что в переходных обществах нелегитимное насилие часто принимает форму терроризма и в определенном смысле, похоже на насилие в примитивных племенах. Как показали выше рассмотренные работы антропологов, в архаичных обществах насилие часто носит *ритуальный* или *символический* характер. Истинным объектом насильственных действий является не тот, на кого они направлены. Чаще всего, им выступает общество. Например, в случае необходимости и изолировать одного из членов племени от сородичей, его убивают или изгоняют. Здесь объектом (т.е. тем, на кого направлено действие и от кого ожидают определенной эффективной реакции) является скорее общество, нежели тот самый изолируемый индивид.

Более того, если обратиться к такому интересному концепту, как «структурное насилие», мы сможем увидеть еще ряд любопытных закономерностей. Концепт «струк-

¹⁶ Urdal H. The Devil in the Demographics: The Effect of Youth Bulges on Domestic Armed Conflict, 1950-2000 // Social Development Papers. Conflict prevention and reconstruction. Washington, 2004. No.14. P.5.

¹⁷ Urdal H. A Clash of Generations? Youth Bulges and Political Violence // International Studies Quarterly. 2006. No.50. P. 611-615.

¹⁸ Mahathir bin Mohamad. The Way Forward. London, 1998. P. 42.

¹⁹ Ware H. Pacific instability and youth bulges: the devil in the demography and the economy // 12th Biennial Conference of the Australian Population Association. Canberra, 2004. P. 3-7.

турного насилия» был введен в научный оборот Йоханом Галтунгом 45 лет назад²⁰. Два года спустя в соавторстве с Тордом Хейвиком он дал достаточно подробное определение своему концепту: «Мы можем вести речь о структурном насилии всякий раз, когда люди гибнут, получают ранения или испытывают иные лишения из-за бедности и несправедливости социальных, экономических и политических институтов, систем или структур»²¹. Соответственно, насилие, сопряженное с непосредственными угрозами жизни и здоровью, осуществляемое с помощью холодного или огнестрельного оружия, получило название «прямого вооруженного насилия». Норвежские ученые предложили измерять структурное насилие с опорой на данные об ожидаемой продолжительности жизни (далее – ОПЖ). В 1976 году другие исследователи, Гернот Келлер и Норманн Алкок, разработали базовую модель измерения «магнитуды структурного насилия»²².

Модель Алкока-Келлера позволяет описать гипотетическое состояние дел в обществе, лишенном структурного насилия, что предполагает поиск ответа на вопрос: сколько смертей удалось бы избежать, если бы все страны могли реализовать для своих граждан те же условия для жизни, что и в Швеции («Шведская модель») или если бы наблюдаемый в настоящий момент уровень благосостояния был равномерно распределен по всему миру («Эгалитарная модель»)?

Авторы предложили следующую формулу, позволяющую дать ответ на заданный вопрос согласно шведской модели:

$$V_1 = P_n/E_n - P_n/E_s \text{ (Уравнение 1),}$$

где P_n – численность населения страны N , E_n – ОПЖ для страны N , E_s – ОПЖ в Швеции. Отметим, что на момент написания данной статьи продолжительность жизни в Швеции была самой высокой в мире, так что, по сути, вместо Швеции нужно ставить ту страну, которая удовлетворяет данному критерию.

Далее Г.Келлер и Н.Алкок внесли изменение в уравнение 1 с целью вычислить уровень структурного насилия в целом ряде стран в сравнении со среднемировым значением. Для его расчета сформулировано уравнение:

$$V_1 = P_n/E_n - P_n/E_m \text{ (Уравнение 2),}$$

где P_n – численность населения страны N , E_n – продолжительность жизни в стране N , E_m – среднемировая продолжительность жизни. Таким образом, сопоставление данных при решении уравнений 1 и 2 позволяет нам узнать, насколько бы сократилось или уменьшилось структурное насилие в стране N , обладай она максимальным на данный момент благополучием²³.

Опираясь на данную методологию и официальные статистические данные о продолжительности жизни²⁴, попытаемся рассчитать долю структурного насилия в современной России. В качестве модельного региона, в нашем исследовании играющей роль Швеции, возьмем республики Дагестан и Ингушетия. Население первой с 1990 и по 1999, а второй – с 2000 и по настоящее время обладает наибольшей ОПЖ. Незначительное отклонение от данной тенденции, а именно второе место у Ингушетии после Дагестана в 2005 году с отставанием на 0,2 года можно списать на статистическую погрешность, ибо в остальные годы первого десятилетия нового века разница была около года и более в пользу Ингушетии.

Зная численность населения на определенной территории за данный год²⁵, мы можем рассчитать потери от структурного насилия. Числовое значение их за два периода (девяностые и двухтысячные годы соответственно) приведены в таблицах 1 и 2. Нетрудно заметить, что магнитуда структурного насилия за последние два десятилетия, увеличившись от минимума в 1991 году до максимума в 2004 году, возросла почти втрое.

²⁰ Hultung J. Violence, Peace and Peace Research // Journal of Peace Research. 1969, No 6. P.168-187.

²¹ Hultung J., Høivik T. Structural and Direct Violence: A Note on Operationalization // Journal of Peace Research. 1971, No 1. P.73-76.

²² Köhler G., and Alcock N. An Empirical Table of Structural Violence // Journal of Peace Research. 1976, No 4. P.343.

²³ Köhler G., and Alcock N. Op. cit. P.345.

²⁴ Здесь и далее данные об ожидаемой продолжительности жизни в регионах России взяты с сайта Росстата [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru>

²⁵ Демографический ежегодник России. М., 2009. С.25.

Таблица 1

Магниту́да структурного наси́лия в России, 1990-1999 гг.

Показатель/год	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
ОПЖ (Россия)	69,2	68,9	67,8	65,0	63,9	64,5	65,8	66,7	67,1	65,9
ОПЖ (Дагестан)	73,1	72,6	72,1	70,5	70,5	70,4	70,3	70,5	70,5	70,6
Численность населения РФ, млн.	147,7	148,3	148,5	148,6	148,4	148,5	148,3	148,0	147,8	147,5
Число жертв структур. наси́лия, тыс.	113,9	109,7	130,6	178,3	217,3	192,9	144,3	119,6	106,2	149,0

Таблица 2

Магниту́да структурного наси́лия в России, 2000-2009 гг.

Показатель/год	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
ОПЖ (Россия)	65,3	65,2	65,0	64,9	65,3	65,4	66,7	67,6	68,0	68,8
ОПЖ (Ингушетия)	72,0	74,8	74,4	74,4	74,6	73,5	73,0	75,2	76,1	74,1
Численность населения РФ, млн.	146,9	146,3	145,7	143,5	144,2	143,5	143,2	142,9	142,7	142,7
Число жертв структур. наси́лия, тыс.	209,3	284,6	276,2	281,8	288,8	245,1	227,2	212,6	222,3	147,5

Первая из выше анонсированных автором закономерностей такова: *всплески террористической активности в России, если судить по количеству жертв, имеют обратную корреляционную взаимосвязь со структурным насилием*. В частности, из представленной ниже диаграммы 1 видно, что наименьшее соотношение численности населения РФ и жертв от структурного наси́лия (в расчете на одну тысячу человек) было в середине 1990-х годов и в начале 2000-х, то есть в периоды первой и второй военных кампаний в Чечне.

В середине 1990-х и первой половине 2000-х соотношение потерь от структурного наси́лия и общей численности населения РФ (в расчете на 1.000 жителей) было существенно меньше единицы. Наоборот, в периоды относительного «затишья» (в начале 1990-х, в конце 1990-х после Хасавюртовского мира и в конце 2000-х, после окончания КТО в Чечне), мы наблюдаем три пика структурного наси́лия: показатель достигает 1,2, 1,4 и 1,0 соответственно (см. диаграмму).

Диаграмма

Второй важный вывод заключается в том, что сравнение потерь населения от структурного наси́лия, прямого вооруженного наси́лия (в том числе, в ходе военных действий) и террористического наси́лия, показывает, что основной угрозой и причиной, по выражению Э.Уокера,²⁶ «стабильной нестабильности» Северного Кавказа, является именно структурное наси́лие.

Согласно данным Гордона М. Хана, количество террористических атак в России за пять лет (2008-2012 гг.) колебалось в пределах от 383 до 583, то возрастая, то уменьшаясь, год от года, вне какой-либо четкой тенденции. При этом число жертв политического

²⁶ Walker E. Russia's Soft Underbelly: The Stability of Instability in Dagestan. Berkeley, 2000. P.5.

терроризма оставалось примерно одинаковым, и насчитывало несколько сотен²⁷. В то же время по официальным российским данным, пик террористической активности пришелся на 2005 год (203 нападения). Постепенно снижаясь на протяжении второй половины 2000-х годов, к настоящему моменту она сократилась почти на порядок, до 25-30 случаев в год.²⁸ Таким образом, *соотношение потерь населения от структурного, вооруженного и террористического насилия имеет пропорцию примерно 100:10:1*.

Отметим, что норвежские исследователи неявно постулировали корреляцию между высоким уровнем жизни и высокой ОПЖ (следовательно, и низкой долей структурного насилия). Так, в ряде публикаций²⁹ Т.Хейвик показывает, что коэффициент Джини, социальное положение и распределение национального дохода играют критическую роль в деле определения структурного насилия.

Однако данные по России показывают, что это не совсем так. По крайней мере, прямой и четкой корреляционной связи мы не видим. По таким показателям, как уровень безработицы, денежные доходы населения, номинальная зарплата, численность пенсионеров (что не может не отразиться на средней по региону продолжительности жизни), величина прожиточного минимума (низкий ее показатель должен бы способствовать снижению ОПЖ), положение в северокавказских регионах РФ во многом похоже на положение в других частях страны³⁰.

Отсюда следует третья важная закономерность: *в России действует некий нивелирующий фактор, который определяет потенциал структурного насилия набором дополнительных условий. В качестве гипотезы можно предположить, что эти условия – специфически функционирующие в России социальные институты*. Мы уже достаточно подробно рассмотрели институциональный фактор насилия в современной России³¹; здесь лишь отметим, что уровень преступности в России превышает аналогичные показатели в развитых странах и приближается к уровню стран Юга, причем далеко не самых успешных.

За последние годы в России число лиц, погибших от преступных посягательств (т.е. не только в результате убийств, но и грабежей, изнасилований, терактов и др.) составляло в среднем 34 на 100.000 жителей в год, с некоторой тенденцией к уменьшению этого числа³². Заметим, что это уменьшение связано как с улучшением криминальной обстановки (в том числе, окончанием военных действий на Северном Кавказе), так и с изменением правил учета совершенных преступлений. Именно поэтому для понимания общей картины корректнее брать средний показатель за последние пару лет, который составляет 25 насильственных смертей в год на 100.000 человек. Для сравнения – в развитых странах этот показатель не превышает нескольких единиц.

По общему количеству преступлений Россия сейчас имеет показатели середины 1990-х гг., например, в 2010 г. общее число зарегистрированных преступлений на 100.000 человек составило 1839, а в 1995 г. – 1857 (в ряде федеральных округов нынешний уровень соответствует концу 1990-х). Именно в 2000-е гг., если судить по уровню преступности, ситуация в стране была наиболее опасной – максимум фиксированных преступлений пришелся на 2005-2007 гг., когда число преступлений на 100.000 жителей составляло около 2.600 в год.³³ Единственный регион, где показатели середины 2000-х хотя и выше начала и конца данного десятилетия, но не дотягивают до показателей начала – середины 1990-х, это Северный Кавказ.

В 2010 году в СКФО было совершено 872 убийства и покушения на убийство (для сравнения – в соизмеримой с ним по численности населения Московской области и ДФО – 746 и 1117 соответственно). По России в целом этот показатель составил 15,5 тыс. на 142,9 млн. или 10,8 на 100.000 жителей. На Северном Кавказе же этот показатель составляет 872 на 9,4 млн. или 9,3 на 100.000 жителей, а в Дагестане – 296 на 2,914 млн. или

²⁷ Hahn G. Getting the Caucasus Emirate right / A Report of the CSIS Russia and Eurasia Program. Washington, 2011. P.23.

²⁸ Россия в цифрах. М., 2013. С.180.

²⁹ Høivik T. The Demography of Structural Violence // Journal of Peace Research. 1977, Vol. 14. P.59-60.

³⁰ Российский статистический ежегодник. 2012. М., 2012. С.128-190.

³¹ Поляков Е.М., Сергаев Е.А. Институты в меняющемся мире: власть, насилие, собственность. Воронеж, 2012. С.74-88.

³² Российский статистический ежегодник. 2011. М., 2011. С.302.

³³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011. М., 2011. С.329.

10,2³⁴. Оба показателя ниже, чем в среднем по России, и это в регионе, традиционно и вполне заслуженно считающемся источником социальной нестабильности.

Наличие вялотекущего вооруженного конфликта и активного террористического подполья *если и сказывается* на преступности, то почему-то *благостным образом*, приводя к снижению этого показателя. К слову, именно те северокавказские республики, из которых СМИ передают репортажи о терактах (Карачаево-Черкесия, Ингушетия, Дагестан и Чечня) находятся в «хвосте» списка регионов по числу зарегистрированных преступлений на 100.000 жителей, занимая места с 80 по 83 соответственно.

Нам представляется, что такое положение является вполне закономерным – применение физического насилия для институализации своей власти типично для варлордов, которые и правят российской частью Кавказа. Соответственно, основные усилия государства, предпринимаемые по декриминализации общества и оздоровлению правоохранительной ситуации в стране, должны быть направлены на минимизацию последствий структурного насилия, вызванного дисбалансом в развитии социальных институтов, и выравнивание фактического административно-правового положения граждан в разных регионах страны.

Схожая ситуация наблюдается при осуществлении терактов. Современные террористические организации сближает ряд аспектов: структура организации, характер мобилизации и взаимодействия с населением, характер осуществляемого насилия, реакция общества и государства, а также идеология. Незначительные отличия, наблюдаемые в лозунгах, целях и руководстве, объясняются, скорее всего, местными условиями борьбы экстремистов против государства. Наблюдается разительное сходство в способах инициации новых адептов³⁵.

Главной причиной «успешности насилия» террористов может быть социальный коллапс, точнее, его последствия, – неслучайно же всплеск террористической активности мы наблюдаем в так называемых «failed states», несостоявшихся государствах, которые находятся в стадии распада и дезинтеграции. Карл Батцер в своей работе показывает, что коллапс сложных обществ осуществляется под воздействием ряда факторов, лимитирующими из которых являются экономический спад, недостаток важных ресурсов, временные рамки, а также политическая и культурная гибкость³⁶.

В таких условиях нелегитимное насилие работает по принципу положительной обратной связи – чем его больше, тем активнее сопротивление, что ведет к эскалации напряженности и окончательной дезинтеграции общества. При этом реализуется игра с нулевой суммой: большинство заинтересовано в сохранении общественных связей и дееспособности хотя бы базовых социальных институтов. Но активное меньшинство, сделавшее насилие своим *modus operandi*, заинтересовано во власти (сохранении или приобретении ее), а значит – в ломке всех механизмов, могущих ему противостоять.

STRUCTURAL AND DIRECT ARMED VIOLENCE: GLOBAL TENDENCES AND FEATURES OF RUSSIA

The different types of violence and their relationship to the type of social structure are analyzed. Based on anthropological evidence, the author shows that the appointment of violence in society is determined by several factors, chief among which is the control over access to important resources, and forms of its manifestation are limited by social structure of society.

Particular attention is given to the youth factor in the escalation of violence in societies that are under "youth bulge". An attempt was made to analyze ways to control violence and to identify its possible sources. Separately consider the problem of terrorism and the main causes of efficiency of the violence in the modern world.

Key words: social institution, structural violence, terrorism, society.

E.M. POLYAKOV

Voronezh State University

e-mail:
evgenij.polyakov.1984@mail.ru

³⁴ Там же. С.331.

³⁵ См. подробнее: Поляков Е.М. От национализма к терроризму: путь радикальных движений в разных регионах мира // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. Вып. 22. С.266-271.

³⁶ Butzer K.W. Collapse, environment, and society // Proc. Nat. Acad. Science, 2012. Vol.109, No.10. P. 3632 – 3639.